

ТРАШНАЯ это вещь — возвращение. Приведу маленький диалог из чудесной визборовской повести «Завтрак с видом на Эльбрус»:

«— Бог ты мой! — сказала Елена Владимировна. — Как все же прекрасно возвращение! Я и не знала, что так скучаю по всему этому!»

— Возвращение всегда опасно, — сказал я.

— Чем?

— Ностальгией по прошлому визиту».

Разговор инструктора с лыжницей. Знакомство и реплика, предвещающая возможные отношения. Все — «на воздухе», на нюансах.

Я смотрел передачу Смехова о Визборе и вспоминал возвращение Героя, — как это было. Строго говоря, никакого «возвращения» не было. Казалось, он никуда и не исчезал: Мартин Борман в «Мгновениях», Рудольфино у Асановой, редкие участия в «Голубых огоньках», документальные фильмы, гнушийся «винил» «Кругозора»... Не было книг, подборок, дисков —

*Общая Газ. — 1995. —
— 24 авг. — С. 13*

ЧТО БЫЛО

Визбор Иосич

«Театр моей памяти».

Вениамин Смехов о Юрии Визборе. РТР

всего, что представляло Поэта.

Нежно-строгого романтика, о котором даже в позднем переиздании не забывали, как о члене партии (смотри послесловие к книге), «возвращали» хирургически грубо. В первой книжке 86-го года, в песне «Спутники» («По прекрасному Чюрленису...») вырезали «заезжий двор Ошанина», «софоновскую топь» и «пустыню Налбандян». Пронзительная песня «Леди» — горловой плач о любви — тоже не могла войти в ту книгу. Просто из-за несоветской обнаженности чувств. Первый раз «возвращенный» Визбор задышал в огоньковской антологии Евтушенко.

...Смехов открывал и закрывал

программу в одиночестве. «Зона печали и отдыха» — вот его Визбор, которого, по словам ведущего, остро не хватает в нынешнее плохое, бесслезное время, время, когда «Шекспир в театрах не выглядит трагическим автором».

А внутри передачи — в мастерской автора великой книги «Самая легкая лодка в мире», писателя и художника Юрия Ковалю, — вспоминали, делились и пели песни старые лицейские друзья Героя: Юлий Ким, сам хозяин мастерской, ведущий и Семен Богуславский. Ты, зритель, наверное, предполагал, что передача «Театр моей памяти» такой и будет: воспоминания за большим столом, смех, возможные отрывки

из фильмов. Обычное, честное дело. Но люди искусства и в дружеской посиделке незаметно творят чудесное. Именно сейчас вы узнали, наконец, о тайном обществе «Юриев Иосифовичей»; вы услышали яростное ковальское: «Он — это не «милая моя, солнышко лесное», слышите! Он — это «...ули ж вы ботик потопили, гады?!» И сегодня, когда я списываю эту реплику Юрия Иосифовича Ковалю, я с каким-то мистическим ужасом начинаю понимать, что и его — автора «Картофельной собаки», хозяина «Недопеска Наполеона 3-го» и строителя той самой легкой лодки — нет. Что его нет — с этого августа. И что это хозяйское радушие, перемешанное с воспоми-

нениями о президенте клуба «Юриев Иосифовичей», — последнее.

А потом в передаче был момент, когда Ким вспомнил студенческий авторитет Визбора и свое давнее, гордое в юношеском споре — «Даже Визбор так считает!» — тут режиссер программы показал на три секунды Бормана из «Мгновений». Партийный владыка рейха с мягким лицом автора «Фанских гор» произнес знаменитое: «...Я не берусь предсказать, как развернутся события в Кремле, Лондоне или Белом доме...»

Спасибо ему, режиссеру, что не попросил Смехова переписать кадры финального чтения «Лучшие ребята из ребят...». Трудно представить, что сердечный друг Героя прочел бы это иначе, без слез.

— А что ты глядишь там? — Картинки гляжу.

— А что ты там шепчешь? — Я песню твержу.

— Ту самую песню? — Какую же еще?

Ту самую песню, про слезы со щек.

Павел ХАНИН